

Мартин Лихтмесц

АЛЕН ДЕ БЕНУА СРЕДИ МУСУЛЬМАН И МАВРИТАНЦЕВ

27 июля 2010 г.

«Мавританцы» из «Hier & Jetzt» в своем последнем номере своей «радикально правой газеты» опубликовали интервью гуру «новых правых» («Nouvelle Droite») Алена де Бенуа, который также имеет заслуженный титул в нашем *Division Antaios*. Результат, как обычно, оказался спорным и нестандартным, и показался для товарищей из Endstation Rechts даже достойным титульной строки: «Я предпочел бы в качестве соседа мусульманина, разделяющего мои ценности, нежели скинхеда», – цитируются слова Бенуа.

Другие выковырянные ER с явным удовольствием изюминки из интервью в форме целых фраз выглядят так:

«Ксенофобия, исламофобия, ненависть к другим, фантазии о борьбе цивилизаций и о грядущей гражданской войне – это, на мой взгляд, наихудший способ противостоять проблемам иммиграции». (...)

«Правые считают, что идентичность народа – это то, что никогда не меняется. При этом в действительности дело обстоит как раз наоборот, идентичность позволяет нам постоянно меняться, не переставая быть самими собой. Идентичность – это не только прошлое. Народ – это «исторический путь»

(А. Н. Уайтхед), коллективный, постоянно обновляющийся нарратив. Вера в то, что наша идентичность будет сохранена, если в Европе не будет эмигрантов, является иллюзией. Даже если бы в Европе и не было бы эмигрантов, то наша идентичность тоже была бы под угрозой, поскольку сегодня европейцы совершенно неспособны определить свою идентичность». (...)

«Главная угроза – не иная идентичность, а политический универсализм во всех его формах, угрожающий народным культурам и разным стилям жизни, и стремящийся превратить Землю в однородное пространство. То, что разрушает не только наши, но и все идентичности, – это логика прибыли и капитала, носителем которой является пост-буржуазный и пост-пролетарский турбокапитализм, распространение которого приводит к высыханию коллективного бессознательного с его архетипами и к всеобщему культурному обнищанию в пользу единоличного сужения к ценностям рынка».

Для общей критики месье де Бенуа здесь нет места, только для нескольких замечаний, которые еще можно было бы расширить. Большая сила Бенуа, по моему мнению, заключается в его критике либерализма, сущность и направление удара которой практически не изменились со времен его ранних переведенных на немецкий язык сочинений 70-х и 80-х годов, и которые я, по сути, считаю правильными.

В своем труде со шпенглеровским названием «Годы решений» («Orientations pour des années décisives»), написанном в 1982 году, он описал Европу как оказавшуюся в клещах, «губками» которыми он назвал восточный коммунизм и западно-американский либеральный капитализм. Последний Бенуа считал гораздо опаснее, потому что он будет в первую очередь убивать и разрушать души, в то время как внешнее принуждение социалистических систем не сможет сломать силу сопротивления народов. Так вот, там «диктатура», а здесь «закат», «гибель». «Закат уничтожает наши шансы на выживание как народа».

В сравнении с такими драматическими словами заключительная картина книги была немного разочаровывающей: «Некоторые не могут смириться с мыслью о том, что однажды придется носить шапку Красной Армии. Истинно неприятное будущее! Но мы не допускаем мысли о том, что нам когда-нибудь придется доживать остаток наших дней в Бруклине, жуя гамбургеры».

Это, конечно, невольно звучит несколько комично: Если бы вы уже были вынуждены выбирать из двух зол, то предпочли бы маршировать строевым шагом в красной шапке у Кремля за социализм, чем хлебать свою «колу» в «Макдональдсе», под аккомпанемент рэпа, с кепкой NY-Yankees на голове, а также набивать себе брюхо куриными макнаггетсами. Ну, прекрасно. Бенуа также остался верен этому чувству, когда он, например, в интервью *H&J* жалуется на

то, что «наши города все сильнее напоминают Лос-Анджелес или Нью-Йорк», а «не Стамбул или Тунис».

Ну, стоит хотя бы раз пригласить Бенуа в Нойкёльн, Франкфурт, Мангейм или Оффенбах, тогда он все еще может решить, напоминает ли вид города ему скорее Бруклин, чем Стамбул. Но это не так уж и плохо, не так ли? Если «красная шапка» для него была, по крайней мере, в некоторой степени ужасной, то, кажется, у него не так уж много проблем с мыслью о том, что он может провести оставшееся время своей жизни в качестве «зимми», которого только терпят, поедая дёнер и фалафель, пока его жена носит никаб, а парижский муэдзин с минарета бывшего Собора Парижской богородицы создает подходящее музыкальное сопровождение.

Взамен того, что Бенуа в интервью призвал правых «анализировать поле боя, как оно есть», он сам стал удивительно слепым в отношении прохождения линий фронта, лежащих у него под носом. Разве побоищ в парижских предместьях не хватило ему для того, чтобы «фантазии» о грядущей гражданской войне» не казались слишком фантастическими?

Но для того, чтобы поговорить о главной изюминке, которую особенно подчеркнул ER, какой верующий мусульманин, скажите, пожалуйста, «разделяет» «ценности» именно Алена де Бенуа, который всю свою жизнь выступал против «монотеистических» религий и «универсализма»? Неужели Бенуа настолько наивен, чтобы думать, что при продолжающейся мусульманской экспансии (которая, кстати, происходит совершенно независимо от того, считают ли национальное государство устаревшим или нет) его оставят в покое по «этноплюралистическим» причинам и ради «différence»? Мне почти неловко спрашивать об этом у человека с таким солидным образованием, как Бенуа, но разве он хоть что-то знает о природе ислама?

О том, насколько Бенуа недооценивает ситуацию, свидетельствует следующее высказывание из его интервью:

«С того момента, как в Европе живут миллионы мусульман, которые отнюдь не все иммигранты, я не понимаю, почему они не должны иметь свои сакральные места. У иудеев есть синагоги, и никто не против».

Говорите как настоящий либерал, месье де Бенуа! Уже Старый Фриц говорил так же. Только сколько мусульман было тогда в Пруссии? Два десятка, три десятка? То, что во Франции живут только примерно 600 000 евреев, в большинстве своем полностью ассимилированных и европейского происхождения и культуры, с другой стороны, примерно 4 000 000 внеевропейских мусульман, это в таком сравнении, пожалуй, только несущественная деталь. Так говорит человек, который видит, как его «идентичности» угрожают американизм, «Макдональдс» и супермаркеты. Киоски по продаже дёнеров, опасные

городские районы и растущие в количестве и архитектурном размере мечети – явные проявления политической, монотеистической, универсалистской теологии и политической воли к власти – видимо, не тревожат его. (Гюнтер Машке в *N&J*, №14/09: «Мы постоянно говорим об исламской опасности, забывая, что другая губка клещей, в которых зажата Европа, – это Соединенные Штаты».)

Бенуа продолжает:

«Правые смешивают вопрос иммиграции с вопросом ислама, который охватывает миллиард верующих во всем мире, с вопросом исламизации, оправданная реакция против реально существующего материализма Запада – с терроризмом – новой, уже не теллурийской формой асимметричной войны, что в реальности является четырьмя разными вопросами».

Ну, а действительно ли эти вопросы такие «разные»? Или это не четыре линии, которые неразрывно связаны с одной и той же проблемой? То, что это именно так, можно доказать логически. Без иммиграции в Европе не было бы ислама такого масштаба, а значит, не было бы и конфликтов, которые ежедневно заполняют газеты. Исламизация Европы происходит не из-за того, что многие европейцы массово принимают ислам из-за страданий от бездуховного материализма, а потому, что широкие, внеевропейские, мусульманские слои благодаря иммиграции и демографическому росту захватывают все больше пространства. Без ислама в наших стенах мы могли бы все же вполне «плюралистически» оставить его там, где ему и место.

В конце концов, импорт ислама с помощью массовой иммиграции также привел к переносу террора в Европу, хотя генезис террора, и в этом Бенуа прав, находится совсем в другом месте, в основном в американской и израильской экспансионистской политике. Но теперь дела обстоят так, как есть, и о морали и об «оправдании» больше никто не спрашивает, если речь идет о чистой самообороне. Странно, что здесь Бенуа вводит это понятие «оправдание», как будто для описания сложившегося положения нужно прибегнуть к более высокой, даже, как следует из этого выражения, моральной легитимности. То, что здесь имеет в виду Бенуа, не означает ведь ничего другого, кроме того, что Запад больше не обладает способностью к ассимиляции из-за своей духовной пустоты и «реального материализма», а вместо этого привлекает только массы, которые, в основном, хотят есть западный торт вместе с европейцами, или даже целиком прибрать его к рукам. Но расплата за серьезные упущения еще далеко не означает узаконения. (Супермаркеты и торговые центры, кстати, существуют в большом количестве и в исламских странах.)

Эти и другие путанные высказывания Бенуа я могу объяснить только тем, что все эти бесплодные размышления об «идентичности», из-за которых он за прошедшее время стал печально известен, все больше мешают ему увидеть

лес за деревьями. Если Шпенглер говорил, что у того, кто слишком много говорит о расе, больше нет расы («раса» означала для него в первую очередь «быть в форме»), то можно настолько же обоснованно констатировать, что тот, кто слишком много говорит об «идентичности», видимо, уже и внутренне подточен в том, что касается его собственных основ. В одном старом сочинении, написанном в 1986 году специалистом по государственному праву Йозефом Изензее, я нашел такое замечание:

«Один симптом – слово «отечество» медленно исчезает из политического словоупотребления. На его место приходит новое, неполитическое слово, такое же очень абстрактное, как и системная теория – идентичность».

Я должен был подумать об этом, когда Бенуа дал совет своему интервьюеру Арне Шиммеру, что «когда вы занимаетесь политикой, то нужно исходить из политического определения народа». Бенуа постоянно разбрасывается этим «очень абстрактным» термином «идентичность», и я уже давно не понимаю, кого он вообще имеет в виду, когда говорит о «мы» (*pluralis auctoris?*), и исходя с какой точки зрения он на самом деле аргументирует. Он по-прежнему любит говорить – и справедливо – о «народах», которых «ведет к гибели либерализм», и о «народных культурах», разрушаемых тотальным рынком. Но за какую именно «народную культуру» он все же выступает на самом деле, как француз, как европеец, как «язычник»?

В этой ситуации поучения Бенуа о меняющемся характере «народа» (которые в ER, что характерно, неправильно интерпретируются как полное отрицание этнического элемента идентичности) совершенно непригодны, и они даже не особенно новые, дерзкие или проясняющие. «Народ – это исторический путь, коллективный, постоянно обновляющийся нарратив» (повествование), – говорится в интервью. Если это не неточность перевода, то он говорит: «Народ – это... постоянно обновляющийся нарратив», или еще проще: «Народ – это нарратив». Ха. Пожалуйста, помедитируйте над этой фразой, и вы окажетесь прямо в джунглях с бумажными тиграми. (Сравните с Жаном Распаем: «*La France est d'abord une patrie charnelle*» – «Франция это, прежде всего, *облеченная в плоть* родина»).

Не было бы правильнее сказать, что народ – это исторически развившаяся группа людей с определенным общим генофондом, общим языком, общим сознанием о себе и общим историческим нарративом? То, что все это находится в движении на протяжении веков, не отрицает ни один человек, но в то же время необходимо признать, что массивные вмешательства в генофонд, язык и преемственность исторического нарратива могут даже привести к исчезновению народа.

Так что же Бенуа хочет нам сказать? Тем более, что такую же мелодию о «меняющемся народе» сегодня насвистывают именно те, кто в Германии болтает о «разноцветной республике» и во Франции открыто пропагандирует целенаправленную метисацию («métissage») как указывающую путь. Действительно ли здесь нет никаких проблем с идентичностью, никакой угрозы для «народных культур»? Те, кто посмотрят повнимательнее, легко увидят здесь позиции (к слову, универсалистски обоснованные), выросшие скорее из слабости, смущения, оппортунизма и воли к капитуляции, чем из чего-либо другого. И теперь Бенуа дует в ту же дудку, что и эти «либералы»?

Как бы то ни было, месье де Бенуа. Дискуссия о том, меняется ли народ со временем и как, совершенно вторична на фоне проблем, стоящих перед нами (немцами и французами). Это типично западная интеллектуальная роскошь, которая совершенно чужда мусульманам, и всем другим массам народов, которые все еще заполняют Европу. У нас просто нет времени на то, чтобы размышлять об этом и лишиться себя узкой, оставшейся у нас под ногами почвы. С учетом, например, вызвавшей много дискуссий «борьбы за классные комнаты», предполагаемый «анализ поля боя» Бенуа совершенно бесполезен. Эта затасканная болтовня о том, что такое «идентичность», затуманивает взгляд на главные вещи так же, как и совершенно избыточный, к счастью, вышедший из моды термин «этноплюрализм».

Самым поразительным симптомом того, как Бенуа за прошедшее время вскружили голову слова с размытым значением, является его совершенно некритичное использование полемических лозунгов из лексикона левых: «ксенофобия», «расизм», «ненависть к другим», неизбежный «скинхед» как негативное пугало, и особенно бессмысленные слова об «исламофобии», все эти туманные термины без точного определения, которые, как правило, используются только в одностороннем порядке, и которые при внимательном рассмотрении быстро теряют тот смысл, в котором их используют левые и либералы.

Бенуа также совершил кардинальную ошибку правых, защищаясь от обвинений в «расизме», вместо того, чтобы бороться с самим этим термином, который сегодня является не более чем лозунгом и социальным конструктом (это никак не помогло Бенуа, как раз потому, что у схоластики «расизма» нет определенных границ). После того, как его «язычество» потерпело неудачу, кажется, что он отказался от любой надежды на обновленную и самостоятельную Европу, и втайне присоединился к фракции «Падающего – подтолкни» в роли передающего ключи. Он не должен винить нас за еще не совсем безнадежное сопротивление, если мы не хотим прожить наши «оставшиеся дни» в Стамбуле, жуя дёнер, с «обновлённым коллективным нарративом» в телевизоре (если наши новые господа будут настолько добры, чтобы ограничиться жеванием).

Так что пусть тут лучше будут «старые правые», «vieille droite», которые еще знают, кто они и какую позицию они занимают, и которые с этой высоты еще могут трезво смотреть на нынешние и грядущие поля битвы.

Перевод с немецкого, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Источник: <https://sezession.de/17988/alain-de-benoist-unter-muslimen-und-mauretaniern>

Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.